

обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево; но на два кресла ее доставало, и кресла стояли обтянутые просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжении нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла: они еще не готовы». Не менее характерны были и семейные отношения Манилова. «Жена его... впрочем, они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голосом, выражавшим совершенную любовь: «Разинь, душечка, свой ротик: я тебе положу этот кусочек». Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно. Ко дню рождения приготавлиемы были сюрпризы — какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. И весьма часто, сидя на диване, вдруг, совершенно неизвестно из каких причин, один, оставивши свою трубку, а другая — работу, если только она держалась на ту пору в руках, они напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжении его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словом, они были то, что говорится счастливы».

Само собою разумеется, что, несмотря на любовь к размышлениям, Манилов меньше всего размышлял о судьбе своих крестьян и о состоянии своего имения. Он сдал все дела подобного рода в руки очень ловкого управляющего, который прижимал крепостных Манилова, хуже самого жестокого помещика. Тысячи подобных Маниловых населяли Россию лет пятьдесят тому назад, и я думаю, что если мы внимательно оглянемся кругом, то найдем подобных якобы «сентиментальных» людей под любой широтой и долготой.

Легко себе представить, какую галерею портретов собрал Гоголь, следуя за Чичиковым в его странствованиях от одного помещика к другому, когда его герой старался купить как можно больше мертвых душ. Каждый из помещиков, описанных в «Мертвых душах» — сентиментальный Манилов, неуклюжий и хитрый Собакевич, отчаянный враль и мошенник Ноздрев, заматеревшая допотопная Коробочка и скупой Плюшкин, — все они вошли в России в пословицы; причем некоторые из них, как, например, Плюшкин, изображены с такой психологической глубиной, что задаешь себе невольно вопрос: можно ли найти в какой-нибудь другой литературе лучшее и вместе с тем более реальное изображение скупого?

К концу своей жизни Гоголь, страдавший от нервного расстройства, подпал под влияние «пиетистов» — особенно г-жи О. А. Смирновой (урожденной Россетт) — и начал смотреть на свои сочинения как на нечто греховное. Дважды, в пароксизме религиозного самообличения, он сжег рукопись второго тома «Мертвых душ», от которой сохранилось лишь несколько глав, ходивших при его жизни в списках. Последние десять лет жизни писателя были полны всяких страданий. Он раскаивался в своей литературной деятельности и издал полную нездорового пиетизма книгу («Переписка с друзьями»), [«Выбранные места из переписки с друзьями»)], в которой, под маской христианского смирения, он чрезвычайно заносчиво отнесся ко всей литературе, включая, впрочем, и собственные произведения. Гоголь умер в Москве в 1852 г.

Едва ли нужно говорить, что правительство Николая I считало произведения Гоголя чрезвычайно опасными. Гоголю и его друзьям пришлось преодолевать чрезвычайные затруднения, чтобы добиться разрешения постановки «Ревизора» на сцене, и это разрешение было получено лишь при деятельной помощи Жуковского. «Ревизор» был поставлен по желанию самого царя. Те же затруднения встретил Гоголь при печатании первого тома «Мертвых душ»; причем, когда первое издание разошлось, второе издание не было разрешено Николаем I. Когда Гоголь умер и Тургенев напечатал в одной из московских газет краткую некрологическую заметку о нем, не заключавшую в себе ничего особенного (Тургенев сам говорит об этой заметке: «О ней тогда же кто-то весьма справедливо сказал, что нет богатого купца, о смерти которого журналы не отозвались бы с большим жаром»), молодой писатель тем не менее был арестован, и только благодаря хлопотам высокопоставленных друзей наказание, наложенное Николаем I на Тургенева за безобидную заметку о Гоголе, ограничилось высылкой из Петербурга и ссылкой на жительство в собственное имение. Если бы не хлопоты друзей, Тургеневу, может быть, пришлось бы, подобно Пушкину и Лермонтову, отправиться в ссылку на Кавказ или, подобно Герцену и Салтыкову, — посетить северные губернии.

Полиция Николая I была недалеко от истины, приписывая Гоголю громадное влияние на умственное развитие страны. Его произведения ходили по России в громадном количестве рукописей. В детстве мы переписывали второй том «Мертвых душ» — всю книгу от начала до конца, а также и часть первого тома. Это произведение Гоголя рассматривалось всеми как одно из самых могущественных